

Пятнадцатое февраля нынче выпало на воскресенье, и это было большой удачей для Таи. Потому что выходной и Влад с утра был дома. И можно было рассчитывать на его помощь и поддержку. Это в прошлом году пятнадцатое февраля выпало на понедельник, и она вся измаялась, когда готовилась к вечернему застолью...

И душевно измаялась, и физически. Ну никак у нее не получались эти дурацкие пельмени такими же красивыми, как у Влада! И вообще... Зачем их лепить, если можно купить в магазине готовыми?

Но нельзя купить, и все тут. Потому что наша светлость Маргоша терпеть не может магазинные пельмени, ей домашние самолепные подавай. Без них ведь никак, без пельменей-то. Каприз у нее такой, и ничего с этим не сделаешь. Она сразу усвоила, что с Владом в этот день лучше не спорить, а сделать так, как он просит... Вернее, это не Влад просит, это Маргоша так требует.

А сегодня повезло, сегодня Влад рядом с ней. Учит ее этому нехитрому, в общем, занятию.

— Вот смотри, Таечка, это совсем просто... Мы с тобой сделали фарш по особому рецепту, ты его уже знаешь. Мы с тобой молодцы. Теперь, соб-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ственно, сам процесс... Тут нет ничего сложного, Таечка!

— Да я знаю, Влад, знаю... Что я, не смогупельмень слепить, по-твоему?

— Можешь, конечно. Ты все можешь, ты умница. И все равно послушай меня, посмотри, как я делаю. Кладешь в серединку фарш, соединяешь края и пальчиками по ободку, пальчиками... У тебя пальчики нежные, ловкие, красиво должно получиться, ничего тут сложного нет...

— Так и я говорю — ничего сложного нет. И все же я не понимаю, чем отличаются магазинные пельмени от домашних, Влад! Ведь их тоже чьи-то ловкие ручки лепят... Я знаю, раньше механически как-то делали, а сейчас всякие пельмени можно купить, и домашние тоже. Почему мы не можем их в магазине купить, почему сами должны сидеть и полдня лепить эти пельмени? Прямо прошлый век какой-то, ей-богу...

— Ну что ты, Таечка! Нет, это вовсе не прошлый век. Пельмени — это же дело такое... Тонкое, почти интимное. Их вкусовые качества напрямую зависят от того, с каким душевным настроем ты их лепишь... Как пальчики по краю бегают — нежно-спокойно или сердито и раздраженно... Тем более Маргошу не обманешь! Она этот душевный настрой сразу почувствует! Она с детства привыкла... Вот слушай, я тебе расскажу, как мы в детстве с ней пельмени лепили...

— Ой, да слышала я уж сто раз, господи!

— А ты еще послушай, не сердись... Знаешь, как это здорово было? Это ж праздник был настоящий!

В тихом семейном омуте

Собирались обычно семьями, на весь день, с выпивкой, с баней... Садились все за стол, приступали к работе. У каждого своя задача была — кто-то тесто месил, кто-то сочни катал, кто-то был к самому процессу изготовления допущен... Можно сказать, к тайнству... Мы с Маргошкой всегда соревнования устраивали, кто больше пельменей налепит! А родители за нас болели... Ну и выпивали мимоходом, не без этого. Как сейчас помню эту водочную бутылку на столе, с отпечатками мучных пальцев... Отца Маргошиного помню, Ивана Макаровича... Ох и строг был, спуску никому не давал! С моим отцом он крепко дружил... Такая светлая аура за столом складывалась, не передать! Лица у взрослых расслабленные, добрые, глаза блестят... Слышится звонкий смех... Потом, когда ели эти пельмени, уже почему-то не так весело было. А вот лепить...

— Да уж... Тебя послушать, так и впрямь хорошо...

— Да, хорошо. Потом, когда Ивана Макаровича не стало, как-то перестали за общим пельменным столом собираться. Маргошина мать в себя ушла, переживала очень. Смотрела на дочь, как на чужую, будто она была перед ней виновата в чем... Потому Маргоша часто у нас ночевать оставалась, мы выросли вместе, можно сказать. Еще и сроднились тогда, пятнадцатого февраля... Мы теперь больше, чем брат и сестра... Ну, ты и сама все понимаешь, чего я тебе снова эту историю рассказываю?

Влад замолчал, будто отстранился от нее в один миг. Только что был рядом, и нет его, исчез! За-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

хотелось даже растормошить его, крикнуть в ухо — эй, ты куда, я здесь! Ау!

Но знала уже — нельзя тормошить. В этот день вообще резких движений делать нельзя. Потому что это особенный день, пятнадцатое февраля.

Но и оставлять его в этом небытии тоже нельзя. До вечера, до прихода Маргоши с семьей еще далеко... Успеет еще, провалится в эту страшную память по имени пятнадцатое февраля...

В тот день, как рассказывал Влад, они с Маргошей отправились на лыжах на дальнее озеро. Они дружили тогда, за партой вместе сидели, да и родительская дружба к чему-то обязывала. Хотя родители потом в недоумении пребывали — чего их на дальнее озеро вдруг понесло? И тем не менее — что уж случилось, то и случилось...

То ли течение какое-то теплое было, то ли какой-то природный катаклизм случился, но лед на озере оказался непрочным и треснул, и они сами не поняли, как покатались в эту смертельно опасную трещину... Хорошо, Влад сообразил вовремя лыжи скинуть и Маргоше успел крикнуть, чтобы сделала то же самое.

Потом они долго барахтались в ледяной воде, насмерть перепуганные. Из последних сил Влад вытолкнул Маргошу на лед... А сам пошел ко дну. И утонул бы непременно, если бы спасенная им Маргоша не сиганула за ним обратно. Схватила за воротник куртки и вытянула наверх, и ему удалось ухватить воздух в оледенелую глотку. А тут и рыбаки на берегу появились, два мужичка деревенских, да и спасли двух бедолаг... Правда, в боль-

В тихом семейном омуте

нице их тоже с трудом из двусторонней пневмонии вытащили, но это уже было потом... А в тот день, пятнадцатого февраля, они заново родились, выходит. И всю жизнь теперь выясняют, кто кого спас, Влад Маргошу или, наоборот, Маргоша Влада...

Вот и сейчас он уже там, и сейчас ее в мыслях спасает. Или казнит себя, что позволил ей за ним нырнуть, ведь погибнуть из-за него могла... И конца этим терзаниям нет, и начала. Каждый раз — по одному и тому же кругу... Ну вот зачем, зачем, спрашивается? Ведь живы оба остались... Чего еще-то?

Тая вздохнула осторожно — надо как-то ненавязчиво Влада отвлечь... Как говорит подруга Юлька, бережно и со вкусом. И ничего не придумала больше, как запеть громко вслед за певцом, который в этот момент надрывался в телевизоре: «По дороге одной в разные стороны...»

Влад посмотрел на нее удивленно, но все же улыбнулся. Потом хмыкнул, проговорил насмешливо:

— Да уж, певицы из тебя точно бы не получилось...

— А я и не хочу! Я ж так, от души... Просто с утра этот мотив крутится в голове и крутится, никак отделаться от него не могу! А тут еще телевизор вдобавок, и там то же самое... А с тобой бывает такое, скажи? Чтобы привязалась мелодия и не отпускала?

— Еще как бывает! Вот вчера, например... Ехал на работу и услышал в машине, как два мужика поют... И так расчувствовался, что подпевать на-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

чал, представляешь? Так песня запала в душу, потом весь день в голове крутилась!

— А какая песня, Влад?

— Ты хочешь, чтобы я сейчас запел, что ли?

— Ну да... А что такого? Я ж запела!

— Ну хорошо, только в обморок не падай и громко не смейся!

— Не буду! Обещаю!

Влад вздохнул, поднял глаза к потолку и запел тихо, на удивление хорошо, попадая в ноты.

— Ух ты, здорово... — восхитилась Тая. — Да ты умеешь петь, оказывается! Почему я про твой талант раньше не знала?

— Ну уж талант, скажешь тоже... — насмешливо и немного польщенно произнес Влад. — Хотя знаешь ли... Я ведь в студенческом ансамбле солистом был, на бас-гитаре играл... Говорили, у меня был приятный бархатный баритон — девчонки просто млели! Правда, у нас песни другие были. Я ж тогда молодой еще был...

— А ты и сейчас молодой! Подумаешь, сорок с хвостиком!

— Ну, по сравнению с тобой, Таечка, молодой уже не такой молодой...

— Ладно, не кокетничай.

— Да я не кокетничаю, я ж по факту... Двадцать лет разницы с молодой женой — это много...

— Не двадцать, а девятнадцать! И не надо мне тут про всяких баранов рассуждать, которые чихать собираются! Лучше еще что-нибудь спой, а? Какую песню ты с удовольствием пел, когда солистом в ансамбле был?

В тихом семейном омуте

— Ну, я тогда на песни Градского замахнуться успел, представляешь? Как там, сейчас вспомню, погоди... Надо настроиться...

Влад отряхнул от муки ладони, вздохнул ностальгически, запел тихо: «Как молоды мы были».

— Ты и песен таких не знаешь, наверное... — глянул он грустно на притихшую молодую жену. — А я... Как там поется — первый тайм мы уже отыграли...

— Влад, ну ты опять?

— Все, не буду. А теперь ты мне спой, если меж нас такая пьянка пошла! Как там у вас нынче говорят? Баттл?

— А я и спою! У меня еще одна мелодия в голове вертится, никак не отпускает...

— И какая же?

— Да ты не знаешь, наверное... Просто я этих артистов очень люблю...

Тая тихо запела, покачивая в такт головой из стороны в сторону:

Пока февраль, как господин.

Снимает белое пальто¹.

Влад замер, глядел на нее с застывшей на лице улыбкой. А глаза не улыбались, и Тая видела, как плещется в них настороженное недоумение — зачем ты, мол, про февраль-то... И про одиночество — зачем?

¹ Песня «Февраль» Анжелики Варум и Леонида Агутина.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Вот же какой впечатлительный, а? Это же всего лишь песня! Хотя... В эти февральские дни он таким и становится — ранимым и впечатлительным. Как ребенок, ей-богу... На пятом десятке мужик, строительной фирмой руководит, а поди ж ты! Как настигнет его этот самый господин февраль, так и начинает мучиться!

Да и она тоже хороша... Вывела мужа из этого состояния, нечего сказать! Отвлекла! Вот он уже и за сигареты схватился!

— Я пойду, покурю на балконе... — произнес тихо, вставая из-за стола.

— Не ходи, Влад... Ты и без того с утра только и делаешь, что куришь... — попросила Тая неуверенно.

— Да я быстро! Только пару затяжек сделаю, и все!

Влад ушел, а Тая вздохнула тихо. Скорей бы уж прошло это распроклятое пятнадцатое февраля...

Влад и впрямь вернулся очень скоро, сел за стол, заговорил быстро и нервно:

— Понимаешь ли, Таечка... Тут все не так просто, как на первый взгляд кажется! Я ведь знаю, что ты обо всем этом думаешь, знаю! Зачем, мол, столько лет носить в себе какое-то там переживание из детства, давно все забыть пора! Ведь так?

— Ну... Не совсем...

— Да так, так! Но представь, что какой-то человек спас тебе жизнь когда-то, а ты не можешь ему ничем отплатить... Живешь, будто в вечном долгу...

В тихом семейном омуте

— Да ты ведь тоже ее тогда спас, Влад! Вы оба друг друга спасали! Вы оба ничего друг другу не должны!

— Нет, ты не понимаешь, не понимаешь... Она ведь уже выбралась из воды на лед, она уже спаслась... Ей оставалось только на берег отползти, и все! Она вовсе не обязана была... Не обязана снова бросаться за мной, когда я тонуть начал... Выходит, она меня спасла, рискуя собой! Она ведь знала уже, что второй раз я ее не вытолкну!

— Да, она знала, что ты на нее свои последние силы потратил! А мог бы сам на себя их потратить, сам выбраться! Это ты ее спас, получается, Влад!

— Да, но это неважно...

— Да как это — неважно? Ты что?

— Нет, нет... Послушай меня... Она же спаслась, а потом обратно за мной сиганула! Зачем она это сделала, не пойму? Зная, что наверняка погибнет? Как так, а? Почему?

— Да потому, чтобы потом не остаться на всю жизнь с чувством вины!

— Нет, нет... О чем ты? Думаешь, у нас время было, что ли, чтобы о каких-то там последующих чувствах рассуждать? Нет, это было Маргошино спонтанное решение... Порыв... Она мою жизнь спасала... Ей важна была моя жизнь больше, чем своя собственная...

— Как и ты ее жизнь спасал. Выходит, и тебе была важна ее жизнь больше, чем твоя собственная.

— Да, но... Я же мужик! Не забывай об этом!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— А я ни на минуту не забываю, Влад... Что ты мужик, не забываю... Ты же сам не даешь мне забыть.

— Ну, я на это надеюсь, по крайней мере! — немного самодовольно улыбнулся Влад и провел мучными пальцами по ее щеке. — Но все равно, Маргошин поступок мне непонятен... До сих пор непонятен. Она же наверняка знала, что погибнет. Что мы вместе утонем... И утонули бы, если бы два случайных рыбака нас в этот момент не увидели. Если бы мы на секунду из воды вместе не вынырнули, они бы просто мимо прошли, и все... Поэтому я считаю — Маргоша меня спасла. Не я ее, а она меня. Я ей по гроб жизни должен, Таечка. А ты говоришь — пельмени... Да я готов их для Маргоши всю ночь лепить, подумаешь! Она ж любит домашние... Она знает, что я сам для нее их лепил...

— Значит, мне можно было не помогать тебе, да? — немного обиженно произнесла Тая и улыбнулась широко, чтобы скрыть эту нечаянную обиду.

— А у тебя уже неплохо получается, смотри-ка... Пальчики по краям так ловко бегают...

— Да, научилась наконец... Твоими стараниями.

— Молодец. Хорошая девочка.

— Да...

— Стараешься!

— Да, да...

Вот так лучше — надо ему поддакивать. Вон, никак успокоиться еще не может...

В тихом семейном омуте

— Получается, это теперь моя боль на всю жизнь... Носить ее в себе не переносить...

— А почему боль, Влад? Ну, долг, это я понимаю... А почему боль?

— Да потому... Ты и впрямь не поймешь, наверное. Да и не надо тебе...

— Ты ей ничем отплатить не можешь, да? То есть чем-то материальным... Не можешь? Она не берет ничего?

— Да, не берет. Материального ей и самой хватает. Да что материальное! Она ведь из-за меня... Ей тогда в больнице сказали — детей никогда не будет... Воспаление там какое-то было сильное, ей матку удалили или чего там еще... Я не силен в этих медицинских делах.

— Как это, Влад? — испуганно отстранилась от него Тая. — А Тимоша с Катенькой? Ведь есть же у Марго с Филиппом дети, Влад!

— Они приемные. Из роддома крохами брали. Кто-то отказывался, а они брали... У Филиппа в роддоме какая-то родственница работает, вот и поспособствовала процессу.

— Ой, а я и не знала...

— Ты многого еще не знаешь, Таечка. Да и не надо тебе, в общем... И без того я тебя этой своей проблемой загружаю.

— Что ж, теперь мне понятна твоя боль, Влад... И чувство долга понятно, и чувство вины неизбежное...

— Да. Спасибо за понимание. Ничем я Марго отплатить не могу. Остается только один этот день — пятнадцатое февраля...